

В Л А Д И М И Р С А Ф Р О Н О В

БЛОКАДНИК

БЛОКАДНАЯ ЖИЗНЬ ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА
ИЗ СЕМЬИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Блокада Ленинграда. Легендарные романы

Владимир Сафронов

Блокадник

«Яуза»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сафронов В. П.

Блокадник / В. П. Сафронов — «Яуза», 2023 — (Блокада Ленинграда. Легендарные романы)

ISBN 978-5-04-176014-4

История Великой Отечественной войны складывается из миллионов эго-историй граждан нашей страны. Солдаты на фронте, рабочие на заводах, крестьяне в колхозах работали на общую победу, но воспринимали реальность по-разному. Как воспринимали блокадную реальность дети Ленинграда? Как они видели ужасы войны? Герой романа «Блокадник» подросток Петр немногим отличался от своих сограждан – его родители были репрессированы в 1937 г., и мальчика взяли на воспитание дядя и тетя. Война застала одиннадцатилетнего Петра на даче в Борщеве под Ленинградом, где он столкнулся с немецким диверсантом. Вместе с тетей Петр успевает вернуться в город до полного окружения. В блокадном городе главный герой прошел череду испытаний: в составе народной дружины тушит вражеские «зажигалки» и дежурит у бомбоубежищ, ежедневно встречается со смертью, голодает из-за кражи продуктовых карточек. Автор детально изображает детали блокадного быта, рацион, процесс добывания воды и дров. В блокадном городе гибнут близкие Петра – сестра, бабушка и ее сын, но он сам проходит тяжелейшее испытание войной, голодом и оказывается в эвакуации. Осенью 1944 г. семья Пети возвращается в Ленинград и участвует в восстановлении города.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176014-4

© Сафронов В. П., 2023

© Яуза, 2023

Содержание

От автора	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Сафронов Блокадник

Памяти жертв репрессий и всех павших в блокадные дни

Блокадная жизнь глазами подростка из семьи репрессированных

© Сафронов В.П., 2023

© ООО «Издательство «Яуза», 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

От автора

О периоде репрессий и блокаде Ленинграда написано очень много, в том числе людьми, чьи жизни были опалены этой чудовищной трагедией. Но с каждым годом все меньше остается очевидцев, все сложнее нам воочию представить ужас тех дней, примерить хоть на миг на себя то, что было для наших отцов и дедов страшной повседневностью. Встречи со смертью, невыносимые физические и нравственные тяготы не сломили их дух. И наш долг – учиться у этих людей стойкости, никогда не забывая об их подвиге.

Мы не должны допустить, чтобы эта рана затянулась, чтобы эта боль утихла под гнетом проблем и тревог сегодняшних дней, чтобы душераздирающие рассказы о нашем относительно недавнем прошлом незаметно перешли в категорию «преданий», уже не способных вызвать комок в горле.

Непросто рассказывать о том, чего ты не пережил лично. И абсолютно невозможно полностью раскрыть такую глобальную тему в одном произведении. Да это и не нужно. В этой книге я постарался описать события глазами ленинградского подростка, впоследствии ставшего моим отцом. Это попытка нарисовать картину по эскизам-эпизодам, которые живо виделась мне во время его рассказов.

Пусть прочитанное заставит каждого еще раз задуматься об истинных ценностях и спросить себя: а хватило бы ему мужества пережить такое?

Глава 1

Петя осторожно раздвинул кусты и замер, всматриваясь в зелень листвы. Кузнечик стрекотал где-то совсем рядом, но оставался неразличимым в ветвях сирени. Неожиданно стрекот оборвался – насекомое почуяло опасность. И в тот же миг Петя увидел свою цель. Кузнечик выжидающе смотрел на человека выпуклыми капельками глаз, настороженно поводя усиками. Затаив дыхание, Петя выбросил руку и ловко ухватил насекомое за спинку. Это был крупный экземпляр, такие этим летом еще не попадались. Петя быстро упрятал добычу в заготовленную жестяную коробочку из-под зубного порошка «Пионер» и двинулся вдоль кустов. Хорошо бы поймать еще штуки четыре! Ведь сегодня на дачу приедет из города папа, и они пойдут на речку ловить язей. А какая наживка может быть лучше кузнечика?

– Петя! Завтракать! – послышался строгий голос матери. Петя неохотно развернулся и заспешил к дому, сияющему в лучах утреннего солнца свежей ярко-желтой краской.

Завтрак был накрыт на просторной веранде. Мать, статная сорокалетняя шатенка, курила папиросу, опершись о белые перила.

– Ты опять там по кустам ползаешь? Я вот отцу скажу, чтобы прекратил это все. Бог знает, какую заразу можно подцепить от этой саранчи...

Петя поглубже задвинул в карман жестянку с кузнечиком и пошел мыть руки. Ему весной исполнилось семь. Лето тридцать седьмого на даче у станции Сиверская, в полутора часах езды к югу от Ленинграда, было очередным летом беззаботного детства, наполненного приключениями и открытиями, в окружении заботливых и любящих родных. В школу принимали только с восьми, и до этого нового периода жизни оставалось по детским меркам еще необозримо долго.

Домработница, пухленькая и жизнерадостная финка Мария, внесла на веранду небольшой самовар, попыхивающий паром. Все звали ее Марусей, она служила у родителей еще с Гражданской. Кроме общих забот по хозяйству, сначала нянчилась с Петинной сестрой Галиной, которая была старше на десять лет, а теперь помогала маме и бабушке управляться с непоседливым Петром.

На завтрак по обыкновению был свежий деревенский творог со сметаной и яйца всмятку. А к чаю – бутерброды с сыром и варенье из черной смородины. Пете все это уже изрядно надоело, и он по-своему разнообразил утреннюю трапезу. То прятал отварное яйцо в сахарницу, и Маруся изумлялась, как она могла просчитаться, то подбрасывал свою персональную серебряную ложечку так, чтобы та упала в траву, и потом нарочито долго искал ее там под укоризненные замечания матери и бабушки. Но сегодня «выкидывать номера», по выражению сестры, времени не было. Ведь вот-вот приедет отец, а для намеченной рыбалки еще кое-чего не хватает! Поэтому Петя молча поглощал приевшийся творог в компании бабушки, Галины и Маруси.

Мать к столу так и не села. Неподвижно стояла, опустив руки на перила веранды, в ее позе ощущалась странная напряженность.

– Настенька, а ты-то что же?... – удивленно повернулась от стола бабушка. – Чайку бы хоть...

– Я потом, с Сергеем выпью, – мать даже не обернулась, не сводя глаз с просвета между высоких берез, через который просматривался кусочек железной дороги.

Петя тоже посматривал в ту сторону, ленинградский поезд должен был уже вот-вот показаться. Наскоро заглотив чашку чая, обтер салфеткой варенье со щеки и выскользнул из-за стола, на ходу крикнув «спасибо». Он уже подкрадывался к очередной беспечно стрекочущей жертве, когда послышался гудок приближающегося к станции паровоза. Ура! Папа приехал!

От станции до дачи было минут пятнадцать ходьбы. За это время Петя успел пополнить коробочку еще двумя кузнечиками и теперь нетерпеливо выглядывал из калитки на тропинку,

ведущую к центру поселка. Наконец из-за поворота показалась мужская фигура. Петя всмотрелся, и на смену радости пришло удивление. Это был не отец, а мамин младший брат дядя Коля – Петя безошибочно узнал его по характерной прихрамывающей походке: дядя Коля был инвалидом с детства. На дачу он приезжал редко, хотя и жил в городе в одной квартире с Петиной семьей. Причиной тому было пристрастие дяди Коли к спиртному, а мать не желала позориться перед соседями по даче, да и сама не выносила выпившего брата.

Петина мать была родом из Латвии. Эта строгая, ухоженная женщина всегда требовала соблюдения порядка и приличий, в первую очередь от своих детей – неизбежное следствие строгого воспитания в царской гимназии. После начала Первой мировой Анастасия переехала из уездного города на окраине Российской империи в Петербург и поступила на работу в финансовый отдел Адмиралтейских верфей. Но при том вела достаточно светский образ жизни. Молодая красавица, с хорошим образованием и выдающимися музыкальными способностями, она посещала богемные петербургские собрания, была знакома со многими знаковыми личностями той эпохи – Распутиным, Шаляпиным, Есениным, Маяковским. После революции устроилась делопроизводителем в Смольный, где общалась с верхушкой тогдашней политической элиты. Там же познакомилась и с будущим мужем – красным комиссаром, героем Гражданской.

Отец, бывший офицер императорского флота, давно проникся большевистскими идеями и активно участвовал в подготовке октябрьского переворота. Получил партбилет из рук самого Ленина, руководил успешными операциями на полях Гражданской. Демобилизовавшись после ранения, сделал стремительную карьеру. Возглавлял Главное строительное управление Балтийского региона, был избран членом Петросовета, а последние шесть лет служил начальником отделения крупной государственной оборонной организации.

На свадьбу Сергей Васильевич получил в пользование роскошные восьмикомнатные апартаменты на Екатерингофском проспекте. Через год у них с Анастасией родилась дочь Галина. Но наслаждаться просторными хоромами суждено было недолго: повсеместно проводилась политика уплотнения. Когда с этим стало бороться сложно, отец позаботился о том, чтобы в квартиру подселили не каких-то неизвестных людей, а родственников. Так под одной крышей оказались больше двадцати Петиных родных: в основном из Латвии и Москвы – с родины отца. Все жили дружно, а неоспоримым главой огромной семьи был Сергей Васильевич – энергичный, веселый, с громким голосом, не терпящий возражений, порой резкий, уважаемый государственный муж.

Дядя Коля шел очень быстро, к калитке он почти подбежал. Увидев Петю, неожиданно бросил на землю саквояж, присел и вместо приветствия порывисто и крепко обнял племянника. Петя вывернулся из объятий и непонимающе спросил:

– А где папа?

Дядя ничего не ответил и заспешил к дому, Петя еле поспевал за ним. Все это было очень странно.

Мать все так же стояла на веранде. Завидев брата, не проронила ни слова, лишь вжалась спиной в белые перила, и лицо ее стало таким же белым.

– Сергея арестовали. Сегодня в пять утра.

Мать вскрикнула и зажала себе рот. Дядя Коля обнял ее, сбивчиво забормотал:

– Может быть, все еще обойдется, это наверняка какая-то ошибка...

Пете показалось, что в голове у него разом оглушительно застрекотали тысячи кузнечиков. Он подбежал к взрослому и уткнулся лицом в полу дядиного пиджака. В последнее время он уже не раз слышал слово «арест» – взрослые произносили его полупрошепотом и с таким выражением лиц, словно речь шла о чьей-то смерти. Еще Петя знал о «врагах народа» – про них нередко говорили по радио, причем особенно суровым голосом. Пете они представлялись страшными существами, такими Бармалеями, стремящимися порушить счастливую жизнь

советских людей. А вот взрослые отчего-то произносили эти слова с совсем другой интонацией и обычно в связи с упоминанием об аресте. Но если арестовывают именно «врагов народа», при чем же тут папа?

Выбежали бабушка, Маруся и Галина. Они как-то все поняли без слов. Сестра закрыла руками лицо, бабушка схватилась за сердце и безвольно упала в плетеное кресло. Маруся сверкнула глазами и что-то тихо и зло пробормотала по-чухонски. Мать стояла как истукан, глядя в одну точку стеклянными глазами. Петя не выдержал и заплакал. Дядя Коля обнял его, достал папиросу.

– Паниковать не надо, но мы должны быть готовы к худшему. Я попробую через Егорова выяснить...

И оборвался на полуслове. Из висящей в углу террасы черной «тарелки» послышался треск, и вдруг оглушающе грянуло бравурное:

*По ленинским мудрым заветам
Нас партия к счастью ведет.
И сталинской думой согреты
Страна и советский народ!*

Галя подскочила и выдернула штепсель громкоговорителя. Едва сдерживая рыдания, выкрикнула дяде Коле в лицо:

– Вы же понимаете, что никто ничего не выяснит! И никакой ваш Егоров тут не поможет...

Она убежала в дом, громко хлопнув застекленной дверью. Дядя Коля тяжело опустился на стул и, сгорбившись, закурил, глядя в кусты. Петя достал из кармана жестянку с кузнечиками, положил на перила и открыл. Заснувшие было насекомые зашевелились и один за другим выпрыгнули в траву. Петя проводил их взглядом, затуманенным слезами.

как, пожалуй, никогда в жизни. Один вид матери внушал ужас. Наконец бабушка спохватилась и почти силой увела внука в другую комнату.

С того дня мать замкнулась в себе. Ни с кем не разговаривала, почти все время неподвижно сидела в спальне у окна и даже к обеду не выходила. Петя был на попечении бабушки и Маруси, тоже непривычно молчаливых. Сестра почти целые дни проводила вне дома – бесцельно бродила по улицам и паркам, сидела на скамейках. Соседи-родственники по-прежнему прятались по своим комнатам, а при неизбежной встрече на кухне фальшиво улыбались Пете и со словами вроде: «Все будет хорошо» – старались скорее удалиться. Больше никаких известий об отце в семье не получали. Дядя Вася, единственный человек, который мог бы хоть как-то помочь, поддержать, как в воду канул. Тягостно тянулись дни, наполненные тревогой и смятением.

За матерью пришли спустя две недели – под утро, в пятом часу. Петя крепко спал и не видел, как двое энкавэдэшников, грубо оттолкнув смертельно напуганную бабушку, бесцеремонно выворачивают на пол содержимое комода и шкафа. И бросают стиснувшей зубы матери ее зимнее пальто с глумливым смехом: «Собирайтесь, дамочка! Это ненадолго, но зимние вещички понадобятся!»

Он не слышал криков сестры: «Оставьте маму, она ни в чем не виновата! А вы – просто сволочи!..» Не видел, как бабушка в ужасе зажимает ей рот.

Он не чувствовал, как мать нежно целует и обливает слезами его, спящего в кроватке, сделанной руками отца, которого к этому моменту уже не было в живых.

О судьбе Петиних родителей еще очень долго ничего не было известно. Анастасии дали восемь лет лагерей, максимальное наказание по статье «ЧСВР» – член семьи врага народа. А после – бессрочный запрет на проживание в крупных городах. Эта ссылка была отменена лишь после хрущевской реабилитации – в пятьдесят шестом году.

Первое письмо от матери пришло только спустя полтора года после ее ареста. А о том, что отца расстреляли на следующий день после его свидания с женой в застенках НКВД, стало достоверно известно лишь через двадцать лет – когда долго теплившаяся надежда на чудо уже окончательно растаяла.

Глава 3

После ареста матери ощущение изоляции еще усилилось. Соседи по-прежнему старались не попадаться на глаза, при случайных столкновениях на кухне или в коридоре стремились побыстрее убраться, будто от заразы. Через два дня после того, как забрали Анастасию, снова явились люди в синих галифе и принялись навешивать ярлыки с пломбами на все, что было в комнате родителей: пианино, мебель, шкаф со всей одеждой и даже на Петину кровать – эти вещи предназначались для конфискации. О том, когда все это собираются вывезти, пока не сообщалось.

Галина решила жить в комнате с бабушкой, а Петя перебрался в родительскую спальню и спал там в одиночестве на большой кровати с прицепленной к никелированной спинке биркой «Подлежит изъятию». Василий Васильевич так и не появлялся и по домашнему телефону не отвечал. Бабушка уже начала подозревать худшее, хотя дядя мог просто находиться в командировке. Обстановка была крайне гнетущей, и не покидало ощущение, что выпавшие на долю семьи беды еще не закончились.

Очень скоро обнаружилось, что небольшие мамини и бабушкины сбережения заканчиваются и вот-вот будет просто нечего есть. Галя этой весной закончила девятый класс, через год собиралась поступать в консерваторию. Но уже отчетливо понимала, что этим планам не суждено сбыться. Она стала предпринимать попытки найти хоть какую-то работу, но везде требовали справку из домкома и данные родителей. Узнав, что кандидат – «дочь врагов народа», все работодатели отшатывались, как от прокаженной. Наконец удалось устроиться разнорабочей на овощную базу, там не сильно обращали внимание на биографию, лишь предупредили: украдешь хоть одну морковку – сразу пойдешь вслед за родителями. Галя занималась переборкой овощей, приходила домой с очень грязными руками. Петя уже забыл, как звучит пианино... Жили на крохотную зарплату сестры и бабушкину мизерную пенсию. Маруся подрабатывала у соседней по дому разноской дров и стиркой.

Очередная беда не заставила себя ждать. Явился курьер НКВД и вручил бабушке предписание: все члены семьи арестованных врагов народа должны покинуть Ленинград в двухнедельный срок и переехать на определенное государственными органами место жительства – в Казахстан. Бабушка с Марусей обливались слезами, Галя вслух ругала власть страшными словами. И тут, видимо, поняв, что это та ситуация, когда нужно цепляться за любую соломинку – хуже уже не будет – бабушка предприняла отчаянный шаг. Неизвестно, кто ее надоумил, но она где-то отыскала адрес вдовы Ленина Надежды Крупской и отправила ей частное письмо с посылным. Крупская до конца дней не утратила своего авторитета и слыла «народной заступницей» – могла помочь решить некоторые проблемы, хотя и не осмеливалась открыто конфликтовать со Сталиным.

Неизвестно, сыграло ли тут роль обстоятельство, что Петины родители в свое время были лично представлены супруге вождя мирового пролетариата, но не прошло и недели, как в квартиру ввалились те же двое ухарей в фуражках с красными околышами. Швырнули на стол копию предписания прокурора: «Оставить членов семьи арестованных врагов народа по месту жительства». С нескрываемой злобой сорвали ими же навешанные ярлыки о конфискации и удалились. После их ухода бабушка долго крестилась и плакала – на этот раз от счастья.

Глава 4

Дядя Вася появился неожиданно, примерно через месяц после ареста матери. В общем-то, он был в квартире брата нечастым гостем – не только из-за чрезвычайной загруженности на службе, но и из-за весьма натянутых взаимоотношений с невесткой. Анастасия порой не отличалась политкорректностью в суждениях, а особенно Василия Васильевича задевали высказывания о его браке. Дело в том, что брат Петино отца был женат на вдове, на двенадцать лет старше себя, но из известного аристократического рода и с изрядным наследством. И хотя Надежда Антоновна была по натуре простым и душевным человеком, а следила за собой так, что выглядела едва ли не моложе мужа – Петина мама откровенно называла дядю Васю альфонсом, на что тот справедливо обижался. Их брак был вполне романтическим, а в деньгах Василий Васильевич и так ничуть не нуждался.

Существуют две версии их знакомства. По одной, дело было на скачках, которые дядя Вася обожал, а Надежда имела собственные конюшни и регулярно выставляла рысаков «в дело». По другой – на почве букинистических пристрастий. Как уже говорилось, Василий Васильевич руководил полиграфической отраслью в Ленинградском регионе, а у его супруги в приданом было одно из лучших в городе букинистических собраний – ее предки несколько поколений занимались книжным бизнесом.

Интересы «тети Нади», как она просила Петю называть себя, были весьма широки. В молодости, еще до революции, она имела успех в качестве модели – лучшие фотографии Европы, такие как Де Бор и Лоренс, приезжали в Петербург, чтобы сделать ее фото в стиле «ню» на фоне дворцов, в мехах и бриллиантах, на рысаках и с тиграми. Надежда никогда не делала из этой страницы своей биографии какой-либо тайны, что давало Анастасии повод вслух называть супругу дяди Васи развратницей. Разумеется, это не способствовало укреплению отношений между родственниками.

Закончив «Музыкально-драматические курсы Бориса Поллака», Надежда Антоновна с успехом участвовала в спектаклях Петербургской антрепризы. Накануне Первой мировой вышла замуж за поклонника таланта – полковника императорской армии, который погиб в первые же дни боевых действий. Во время войны Надежда получила еще медицинское образование, которое позволило ей некоторое время держать популярный массажный салон, его услугами пользовались известнейшие жители Петербурга.

Родовое имение Наумовых в Псковской области незадолго до революции удалось удачно продать, и тетя Надя полностью погрузилась в столичную жизнь, стараясь получать от нее максимальное удовольствие. Это ей вполне удавалось. Она коллекционировала живопись, в домашнем собрании имелись полотна известных художников, в том числе Владимира Маковского, с которым Надежда Антоновна была хорошо знакома. Интересовалась оккультизмом, устраивала спиритические сеансы, восхищалась трудами Блаватской. Ее шикарная пятикомнатная квартира на Широкой улице была больше похожа на музей дореволюционной эпохи, наполненный старинными книгами, картинами и бесчисленными артефактами, где регулярно собиралась городская богема. После брака с дядей Васей Надежда Антоновна из светской львицы достаточно быстро превратилась в умелую гостеприимную домохозяйку, но многие аристократические замашки сохранила на всю жизнь.

Бабушка была несказанно рада приходу Василия Васильевича, а Галя встретила дядю настороженно. Она вообще относилась к нему достаточно прохладно – очевидно, под влиянием матери. А вот Петя дядю обожал, да и тот души в племяннике не чаял.

– Васенька, да где ж ты пропал, милый? И к телефону не подходил... Мы уж всякого пердумали. Ты знаешь ли, какая беда у нас?..

Дядя Вася приобнял бабушку, проводил до комнаты, усадил за стол и плотно прикрыл дверь.

– Все знаю, Мария Андреевна. Да, горе горькое... Эх, Серега, говорил я ему: держи язык за зубами. Нет, возьми и выступи на том собрании, где осуждали врага народа Тухачевского: не могу, говорит, поверить, что мой соратник и верный ленинец Миша организовал какой-то заговор. Все это ложь, а НКВД не тем занимается. Вот оно и аукнулось... А Настеньку-то как жалко, вот уж где невинная душа! И вы все, мои родные... Хорошо, хоть Надежда Константиновна по совести поступила.

Бабушка и Галя слушали с удивлением: откуда дядя Вася знает такие подробности? А обращение за помощью к Крупской держалось в семье в строгом секрете. Выходит, ему и об этом известно? И тут Галя вдруг выдала:

– А скажите, дядя Вася, отчего же за вами до сих пор не пришли? Вы ж самый близкий папин родственник. Вас тоже, получается, арестовать нужно?

– Галя!.. – Бабушка возмущенно всплеснула рукой.

Дядя Вася пристально посмотрел на племянницу, вздохнул.

– Понимаю вопрос... Темнить не буду. После ареста Сергея я принял непростое решение: сам пошел в НКВД и написал заявление. Мол, узнав, что мой брат разоблачен как шпион и диверсант, с возмущением заявляю, что не желаю иметь ничего общего с этим затаившимся врагом народа и горячо поддерживаю принятые органами меры по его нейтрализации. И тому подобное... В общем, отрекся я от брата и еще НКВД поблагодарил за хорошую службу. На опережение сыграл, в общем. А телефон отключил на время, на всякий случай – пока не уляжется.

Бабушка смотрела на дядю Васю округлившимися глазами. Петя, присутствовавший при разговоре, почти ничего не понимал, но видел, как лицо сестры пошло красными пятнами.

– Да знаете ли, что вы просто предатель, дядя Вася?! – Галя вскочила в крайнем возбуждении, в глазах ее стояли слезы. Казалось, она сейчас вцепится дяде в горло.

Василий Васильевич смутился. Попытался приобнять племянницу, заговорил торопливо, полушепотом:

– Ты потом все поймешь, девочка: так было надо, чтобы всех вас спасти... Другого выхода не было. Кто бы стал вам помогать, если б меня арестовали? Кому от этого польза была бы, подумай?

Галина вывернулась из-под дядиной руки. Глаза ее сверкали. Еще раз выкрикнула срывающимся голосом: «Предатель!» – и выскочила из комнаты.

Некоторое время дядя Вася с бабушкой сидели молча. Василий Васильевич сопел, глядя в пол. Наконец бабушка положила руку ему на плечо и тихо проговорила:

– Я не виню тебя, Васенька. Наверное, ты прав. Сереже и Настеньке уже не поможешь, а деткам еще жить...

Дядя Вася достал из кармана пиджака и положил на стол толстый конверт.

– Мария Андреевна, здесь тысяча. Я буду помогать, как смогу. Но часто видется не получится, прошу понять.

Бабушка вспыхнула, засуетилась. Вертела конверт с огромными деньжищами, даже боясь открыть. Дядя Вася обнял ее, поцеловал Петю в макушку и поднялся. Бабушка сбивчиво бормотала благодарности и просила прощения за внучку. Василий Васильевич небрежно махнул рукой и удалился.

Глава 5

Прошло месяцев восемь с тех пор, как Петя в последний раз видел маму. О ее судьбе по-прежнему не было никаких сведений, так же, как и об отце. Бабушку обнадеживало только одно: дочери рекомендовали взять зимние вещи. Тех, кому однозначно светил расстрел, забирала в чем есть и не давали ни минуты на сборы.

Дядя Вася появлялся еще три или четыре раза, приносил разные суммы денег, что-то вкусненькое. Примерно раз в месяц звонил по телефону, выпрашивал у бабушки обстановку, нет ли нужды в чем-то. Петина сестра принципиально с дядей не общалась.

Так пережили зиму тридцать восьмого. Галя приходила с овощебазы вся замерзшая, грязная, валилась с ног от усталости. На бабушкины резоны, что, может быть, ей не стоит так надрываться теперь, когда есть помощь от дяди, а лучше подумать о продолжении учебы, лишь раздраженно огрызалась: «Не нужно мне его подачек!»

Отношения с соседями по квартире понемногу восстановились. Все поняли, что органы оставили Петину семью в покое, и за общение с ближайшими родными врагов народа никого не осудят. Но и близко к сердцу семейную трагедию не принимали. Через достаточно короткое время им уже, возможно, казалось, что Сергей Васильевич с супругой, благодаря которым все родственнички оказались в Ленинграде, тут и не проживали. Общаясь с бабушкой, соседи никогда не упоминали о ее дочери и зяте, и даже в разговорах между собой не называли их имен – будто старались как можно скорее стереть память о «неблагонадежных» связях.

Но в осиротевшей семье ощущение огромного горя не проходило. Семидесятидвухлетняя бабушка сильно сдала, почти все время пребывала в мрачном настроении и часто прикладывалась к пузырькам с сердечными каплями. Запах лекарств уже прочно пропитал их с Галиной комнату. Нервы у нее тоже стали совсем никчемными. Если возникал малейший конфликт с внуками, бабушка хватала кушак и бежала в ванную с криками: «Вот повешусь, тогда пожалеете меня, да поздно будет!..» Галя и Петя со слезами спешили за бабушкой и вцеплялись ей в рукава. Порой Мария Андреевна садилась у открытого окна и надолго впадала в оцепенение. Но если замечала проезжающий черный воронок, громко вскрикивала, захлопывала окно, падала на кровать и сотрясалась в рыданиях. У Пети разрывалось сердце при виде всего этого.

Дядиными заботами маленькая семья жила в достатке, но без излишеств – впрочем, так было и при отце. Город тоже жил обычной жизнью, будто и не происходили каждую ночь исчезновения ни в чем не повинных людей. По утрам под окнами гроыхал по мостовой фургон со свежим хлебом, из «тарелки» радиоприемника гремели бравурные марши и жизнерадостные песни. В соседнем «Ударнике» показывали новые картины, а на углу стояла тележка мороженщицы. У Пети никогда не было карманных денег, и на эти маленькие радости приходилось выпрашивать у бабушки. Бабушка вообще распорядилась всеми финансами, включая зарплату Галины.

Состав жильцов квартиры потихоньку менялся. Маруся уже полгода назад покинула их и уехала куда-то в область к своим финским родственникам. Семья двоюродной сестры Петинной мамы завербовалась на Север, а вместо них въехали совершенно незнакомые люди: супруги с тремя детьми. Со старшим, Вовкой, Петя сблизился. Они вместе гуляли, ходили на комедии в «Ударник». Вовка научил Петю играть в шахматы.

У Петинной семьи распоряжением домкома отобрали большую гостиную и отцовский кабинет, оставили лишь комнату бабушки и бывшую спальню родителей, где теперь обосновался Петя. В гостиную вселилась шумная семья откуда-то с Урала, а в кабинет – странноватый эстонец по фамилии Тилло. Как выяснилось, это был один из разработчиков советского телевидения. Он запомнился обитателям квартиры нелепыми рассказами о том, что скоро в

каждой семье будет возможность смотреть кино, не выходя из дома. Над Тилло открыто смеялись и называли «контуженым».

Самые теплые отношения Петя поддерживал с младшим сыном Марии Андреевны – тем самым дядей Колей, который в прошлом году принес трагическую весть на дачу. Это был добрейший, но слабохарактерный человек. С детских лет хромал после травмы, поэтому в армию его не призывали. Имел музыкальное образование, но карьеры на этом поприще не сделал, а довольствовался работой тапера в кинозалах немого фильма и питейных заведениях. В результате крепко подружился с зеленым змием.

Николай имел особую любовь к разнообразным творческим деятелям. Еженедельно случалось его братание с очередным непризнанным гением – где он их только вылавливал в таких количествах! Казалось, находящиеся в творческом кризисе личности толпами ходили по Ленинграду от шалмана до шалмана исключительно в поисках дяди Коли. Знакомство неизменно завершалось полуночным стуком в прихожей, причем с парадного хода. Бабушка со вздохом отпирала, дядя вталкивал с лестницы очередного забулдыгу в длинном шарфе и помятой шляпе или с потухшей трубкой в зубах. И провозглашал, наполняя квартиру перегаром:

– Па-азвольте представить: известный художник, ныне страждущий – господин Глушков!

На следующей неделе это мог быть «великий композитор Клюзнер» или «гениальный поэт Михайлюк». А то и оба разом, но все неизменно были «страждущими». Гости устраивались на кухне и долго вели разговоры «об искусстве». Выгнать их не было никакой возможности. Впрочем, гении обычно не слишком шумели.

Дядя Коля был женат на красавице Анечке, она работала бухгалтершей в какой-то солидной конторе, на ней держалось все хозяйство. Когда Николая выгнали с очередной работы, он ушел в запой и несколько дней спал на кухне на сундуке, не вникая укорам жильцов квартиры. В результате жена не выдержала и с маленькими детьми уехала к родственникам в Северодвинск. Дядя страшно переживал и все порывался уехать вслед за семьей, но в результате так и остался с матерью: он всегда был ее любимчиком. Совсем забросив игру на фортепиано, он устроился водопроводчиком в местный ЖЭК. Причем, несмотря на такую работу и пагубное пристрастие, все-таки оставался человеком, сохранившим интеллигентный облик и разносторонние интересы. Он мог подолгу говорить с Петей о книгах, музыке, рассказывал всякие смешные истории.

Глава 6

В очередной раз дядя Вася появился на майские праздники. Принес угощения, а для Пети, как всегда, – стопочку первоклассной типографской бумаги для рисования. Посидели за столом, и дядя неожиданно попросил бабушку отпустить племянника на лето в деревню, где они с женой сняли домик. Бабушка с радостью согласилась.

На дачу выехали в середине мая, на черной служебной «эмке» – Василий Васильевич продолжал успешно делать карьеру и к тому времени уже состоял членом обкома партии. У них с супругой было заведено проводить летний отдых порознь. Тетя Надя обожала русскую природу, а дядя Вася к этому был весьма равнодушен, но не мог года прожить, не поплескавшись в Черном море. Поэтому неработающая Надежда Антоновна на все лето забиралась в самую глушь Ленинградской области, где муж снимал ей обычный деревенский домик, а сам в течение своего короткого отпуска расслаблялся в лучших санаториях на курортах Кавказа.

В этом году для слияния с природой было выбрано местечко неподалеку от станции Суйда, на берегу живописной речки с тем же названием. Домик был крохотный, но чистый и уютный. Хозяева, получив щедрый задаток, уехали к родственникам в соседнее село, так что Надежда Антоновна наслаждалась покоем по полной программе. Видимо, в русской глубинке она получала от жизни не меньшее удовольствие, чем в лучах столичных софитов в пору молодости.

Петя был весьма удивлен, когда увидел, что тетя привезла с собой на дачу. Это были предметы, неуместные в деревенской избе: шелковые портьеры, атласные подушечки, зеркало в причудливой резной раме, набор красивой старинной посуды, целый чемодан книг, большая коллекция духов, расписные веера и даже какая-то картина – видимо, без этих вещей жизнь представлялась тете Наде немыслимой. И еще гамак – этого приспособления Петя никогда раньше не видел, но вскоре по достоинству оценил.

Оказалось, тетя Надя придерживается методики спартанского воспитания. Она в категоричной форме требовала выполнения установленных ею же правил – впрочем, здесь она не сильно отличалась от Петининой мамы. Нужно было в точно установленное время вставать и ложиться спать, приходиться с улицы на обед и ужин; никогда не спорить; есть, что дают, и всегда молча, быстро и до последней крошки; ежедневно читать указанное количество страниц выбранной тетей книги. И постоянно ходить в одних трусах, даже в прохладную погоду – таким способом тетя принуждала Петю «закаляться». Заслушание наказывала: ставила в угол, запрещала ходить на речку, не давала есть, если опоздал к столу.

Особым испытанием для Пети было ходить вместе с тетей купаться. Выяснилось, что она убежденная приверженка натурализма – единения человека с природой, предполагающего отсутствие преград в виде одежды. На укромном речном пляжике Надежда Антоновна по мере возможности старалась полностью обнажаться и в таком виде принимала солнечные ванны. «Чувства стыда за свое тело у человека быть не должно», – постоянно повторяла она.

Впервые увидев голую женщину, Петя вместо любопытства испытал ужасный стыд и даже брезгливость. Он старался не смотреть на теткино оплывшее тело и делал вид, что они не вместе. Но не тут-то было! Тетка принялась требовать, чтобы и племянник разделся догола – сначала убеждала, а потом просто силой стянула с него трусики. Петя рыдал, прикрываясь руками, но тете была абсолютно чужда сентиментальность. Хорошо еще, что место, где они обычно купались, было практически безлюдным. Но иногда поблизости все-таки появлялись местные, и тогда Пете хотелось провалиться сквозь землю или утопиться. Однако многие из деревенских ребятшек сами купались голышом – и мальчишки и девчонки. К Петининому удивлению, они не видели в этом ничего особенного. Лишь порой хихикали, посматривая на тетю. Пете оставалось только смириться.

Иногда тетя Надя и по грибы отправлялась в чем мать родила, чем невероятно шокировала случайных встречных. Петя с содроганием наблюдал, как от тетиных босых ног уворачиваются гадюки, которых в лесу встречалось множество. «А что их бояться, они же отползают, сам видишь», – хладнокровно рассуждала она.

Время отпуска дяди Васи приходилось обычно на август, а до той поры он приезжал на дачу примерно раз в две недели. Петя с нетерпением ждал этих визитов. Бездетный дядя, высокопоставленный чиновник, постоянно был отягощен грузом забот, и с лица его не сходило серьезное выражение. Но на даче с племянником он преображался, оттаивал душой.

Петя уже в прошлом году под руководством отца пристрастился к рыбалке. А здесь непуганой рыбы было просто невиданное количество! Местные пацаны ловили огромных щук, одну за другой, и даже без каких-то хитрых приманок. У Пети так горели глаза, что дядя в очередной раз привез ему из города удочку с приличными снастями. После чего Петя проводил на речке почти целые дни, благо от дома до берега была всего сотня шагов, и часто возвращался с хорошим уловом. Тетя это крайне приветствовала, но никаких поблажек в расписании дня не делала, даже невзирая на отменный клев.

Из других ярких воспоминаний о Суйде в Петиной памяти осталась жестокая массовая драка между местными на Троицу, после которой в речке нашли утопленника.

Глава 7

Вскоре после возвращения с дачи Петя пошел в первый класс. В школу, находившуюся рядом с домом, его привел записываться дядя Коля. На вопрос завуча, а где же родители мальчика, сказал, проглотив ком в горле: «Родители арестованы органами НКВД...» Вопреки ожиданиям, пожилая завучиха, как и другие учителя впоследствии, отнеслась к Пете с большим сочувствием.

Учился Петя старательно. Хотел поскорее научиться бегло читать: дома имелась большая библиотека, и корешки книг так и манили проникнуть в сокрытые за ними потрясающие истории. А еще он очень любил рисовать, дядя Вася регулярно снабжал бумагой, картоном, карандашами и красками. Он все больше привязывался к Пете, стал приходить гораздо чаще. Порой приносил интересные подарки, так у Пети появился детский набор столярных и слесарных инструментов. Под руководством дяди Коли Петя с увлечением осваивал азы «мужского ремесла».

В конце декабря тридцать восьмого неожиданно пришло письмо от матери. Это была первая весточка от нее и наилучший новогодний подарок. Анастасия писала, что находится в Магаданской области, живет в бараке на реке Колыме, работает в прачечной и по швейной части. Условия терпимые, но очень холодно. Бабушка заливалась слезами радости. Немедленно написали ответ. Теперь, когда Петя не слушался, бабушка грозилась пожаловаться маме. Но письма приходили не чаще, чем раз в три месяца – видимо, таковы были ограничения, а может, просто не все доходило.

После окончания первого класса Петя вновь уехал с тетей Надей на дачу. Приглашали и Галину, но та наотрез отказалась, тем более что недавно ей удалось найти новую, довольно приличную работу на обувной фабрике «Скороход».

На этот раз Надежда Антоновна выбрала местом летнего отдыха деревню Сурики на берегу реки Меты в Новгородской области. Местные шутили: «В деревне Сурики живут одни мазурики». Но народ здесь, напротив, был хороший, приветливый, а местность еще более живописная и дикая, чем в прошлогодней Суйде. Тетя Надя обожала русскую природу и невольно передала эту любовь и Пете.

Ранним утром он выходил на берег Меты. Над водой поднимался пар и летали синие стрекозы, от привязанных у берега лодок пахло смолой. Местные пацаны тягали здоровенных щук. Пете не настолько везло с уловом, но он не отчаивался.

В Суриках тетя Надя, разумеется, ничуть не переменила своих привычек. В деревню с ней прибыли те же предметы аристократического обихода. И требования ее к Пете оставались прежними. Но он уже достаточно привык к теткиным причудам и методикам воспитания.

Этим летом Петя сильно сблизился с дядей Васей, который, против обыкновения, провел с семьей на даче почти две недели. В молодости он занимался греко-римской борьбой, имел могучее телосложение и всячески пытался привить Пете любовь к спортивным занятиям: заставлял подтягиваться, перепрыгивать через ограду участка, учил сражаться на палках и ездить на довольно тяжелом «дорожном» велосипеде. Часто показывал какой-нибудь прием или захват, давал пощупать богатырские бицепсы. Когда они вместе шли по деревне, Петя с гордостью ловил взгляды мальчишек.

Тетя обожала ходить в лес по грибы и ягоды. В одном месте через Мету был переброшен очень шаткий пешеходный мостик, звавшийся «чертовым мостом». Петя испытывал непреодолимый страх перед этой переправой. Как назло, путь к самым грибным местам лежал на другой берег и именно через этот мостик. Тетка переходила твердо, даже не сбавляя шаг, а племянника подвергала язвительным насмешкам за трусость.

Надежда Антоновна одевалась предельно скромно. Все лето она носила один и тот же простецкий сарафан на голое тело и старалась обходиться без обуви. Во время грозы раздевалась донага, выходила на огород под ливень и подолгу стояла с поднятыми руками. Возможно, это был какой-то древний мистический ритуал, почерпнутый из обожаемых ею эзотерических трактатов. Никому и в голову не приходило предостеречь Надежду Антоновну от таких акций, во время которых легко можно было «словить» молнию. Но она, видимо, была твердо уверена, что время ее еще не пришло.

Плывать тетя Надя могла часами, несмотря на стремительное течение Меты. Вода поистине была ее стихией. Пловчиха она была отменная, в пятидесятилетнем возрасте участвовала в заплыве ленинградских физкультурников на Неве между мостами Лейтенанта Шмидта и Дворцовым. Тетя настойчиво учила плавать и побаивающегося воды Петю, в результате к концу лета он уже чувствовал себя на реке достаточно уверенно. По вечерам тетя любила раскладывать карточные пасьянсы, всецело погружаясь в процесс.

В этот раз на дачу взяли дикого лесного кота Степана, тетиного любимца. Весил этот зверь килограммов пятнадцать и выглядел очень внушительно. Весь день он дрых где-нибудь на чердаке или просто на шкафу в комнате, а по ночам пропадал на охоте. Погладить зверюгу Пете ни разу не удалось, тот игнорировал всех, кроме хозяйки. Тетя Надя покупала в деревне сливки и свежие яйца, делала смесь в особой пропорции и кормила обожаемого питомца. Наблюдавшие этот «разврат» местные реагировали без должного понимания.

У Степана была одна пагубная привычка, от которой другого кота его хозяева давно бы отучили хорошей взбучкой: он обожал валяться на свежей выпечке. Тетя Надя очень любила печь разнообразные пироги, делала это часто и с большой любовью, причем неизменно получались кулинарные шедевры. Но как ни старалась она уберечь эти творения от кота, тот всегда как-то улучал момент и совершал свою подлую акцию. Особенно жаловал горячие пироги с рыбой, причем не ел их, а только «обкатывал» своим толстым шерстяным брюхом. Удивительно, но поклонница чистоты и порядка Надежда Антоновна лишь ласково журила наглого котяру, больше умиляясь его выходкам, чем сердясь.

Дядя приезжал раза два в месяц, и тетя отчитывалась о ходе «воспитательно-оздоровительного процесса», не упуская никаких мелочей. В основе ее методик лежало глубокое убеждение, что невозможно изменить природный характер человека мягкими методами. У тети никогда не было даже попыток проявить к Пете нежность, приласкать, спросить о самочувствии, настроении, просто пошутить – а этого так не хватало осиротевшему девятилетнему мальчишке! Как ни стремился Петя найти какую-то чувственную теплую ниточку, связывающую его с тетей, ухватиться за нее, это никак не получалось – просто потому, что этой родственной ниточки не было. Тетя не ощущалась близким человеком, а Петя казался себе для нее лишь хлопотной обузой. Он, кажется, стал понимать, отчего бабушка за глаза называла Надежду Антоновну «толстокожей». С дядей отношения были гораздо теплее, но общаться с ним доводилось не так часто. Дядя и тетя неоднократно просили называть их на «ты», но Петя так и не смог.

Можно сказать, тетя Надя была холодным немногословным прагматиком. Откровенной злобности она никогда не выказывала, но многочисленные ее запреты и жесткие, не всегда понятные с точки зрения логики правила жизни нередко приводили Петю в уныние, заставляли замыкаться. Тетя в принципе не терпела возражений, и если Петя с чем-то был не согласен, безапелляционно называла это проявлением «духа противоречия». Постоянно делала замечания вроде: «не сутулься», «не моргай», «не шмыгай носом», «смотри в глаза, когда я с тобой разговариваю». Частенько Петя не выдерживал эмоционального прессинга и просто сбегал в какой-то укромный закуток, где со слезами думал о маме и папе. И каким бы прекрасным ни было лето, он возвращался к бабушке и сестре с чувствами вышедшего на свободу узника.

Глава 8

Второй класс запомнился Пете сложным переломом ноги после чьей-то коварной подножки на перемене – подобные «шутки» были тогда рядовым явлением, случались и похлеще. Разумеется, никто и не думал искать виновника. «Надо под ноги смотреть», – вот и все, что сказала врачиха в школьном медпункте. Поначалу она даже не стала осматривать Петю: «Обычный ушиб. Ходить можешь?» Но Петя не мог даже стоять, тогда послали кого-то за родственниками, прибежал дядя Коля и отвез Петю на санках в больницу. Там обнаружилось, что у Пети перелом, да не простой, а двойной и со смещением. В результате он два месяца просидел дома, но учебный год все равно закончил круглым отличником. Хотя порой ему приходило в голову, что учителя ставят пятерки скорее из снисхождения и жалости к сироте. Впрочем, учился он по-прежнему старательно и с удовольствием.

В течение года Петя трижды побывал у дяди с тетей, дядя Вася заезжал за ним на машине. Один раз с ними поехала и бабушка, это было на день рождения дяди. Сестра неизменно отказывалась, в довольно резкой форме – дядя только вздыхал. В гостях всегда было шикарное угощение, дядя Вася играл на мандолине, которой владел виртуозно: до революции он некоторое время был участником знаменитого оркестра Василия Андреева. Тетя никаких замечаний Пете не делала: хоть и не было за что, но при дяде он мог хоть на голове стоять. Впрочем, и нежностей, как всегда, не проявляла.

В начале зимы неожиданно разразилась советско-финская война, продлившаяся чуть больше трех месяцев. По радио вторжение в соседнюю страну преподносилось как «поход для освобождения финских пролетариев от капиталистического гнета», без конца транслировались песни вроде «Принимай нас, Суоми-красавица». Сообщалось о громких победах Красной армии, хотя потери советских войск почти в десять раз превышали потери противника, существенно уступавшего в военной мощи. Дядя Вася объяснял, что эта война необходима, потому что если не отодвинуть финскую границу, в случае более серьезной войны расположенный в тридцати километрах от Финляндии Ленинград окажется в зоне досягаемости вражеской артиллерии. Война закончилась к середине марта сорокового. Граница, как и планировалось, была отодвинута на девяносто километров, а о том, какой ценой это далось, говорить было не принято.

В начале лета дядя Вася оформил Пете десятидневную путевку во Дворец пионеров. Утром он заезжал за племянником и подвозил к воротам дворца, потом отправлялся в свой дом Зингера, находившийся по соседству, а по вечерам встречал и отвозил домой. Во дворце Пете было откровенно скучно: ни с кем из сверстников он не сошелся, из развлечений был только настольный теннис, в который играли лишь те, кто имел свои ракетки, а в местном театрике ежедневно показывали пьесу про диверсантов «Огни маяка». Кормили изо дня в день одним и тем же – хоть и неплохо, но от однообразия вскоре стало откровенно тошнить.

Из установленных на каждом столбе репродукторов оглушительно звучали пафосные песни, призванные поднять патриотический настрой:

*Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет.
С песнями борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет!*

У Пети от этого частенько болела голова. Он целыми днями слонялся в одиночку по небольшому парку или сидел в каком-то уголке с книгой, томительно ожидая окончания дня. Сказать дяде, что такой «отдых» ему не нравится, он и помыслить не мог.

Наконец, ближе к концу июня, выдвинулись на дачу – в этом году под Новгород, в деревню Юрьево. Надежда Антоновна была не вполне довольна выбором места: хороших лесов поблизости от деревни не было, а значит, на столь любимые ею походы за грибами-ягодами рассчитывать не приходилось. Зато дом стоял прямо на берегу величественного Волхова, соединяющего озеро Ильмень с Ладогой. Эта река была настолько полноводной, что по ней даже ходили пароходы. Береговая линия сплошь изрезана маленькими укромными бухточками с песчаными пляжиками в обрамлении густого кустарника и камышей.

В целом лето было похоже на предыдущее. Но методика теткинго воспитания претерпела некоторые изменения. Пете было уже десять лет, и тетка сочла возможным расширить права племянника. В это лето ему позволялось безнадзорно проводить большую часть времени – ходить на реку купаться и ловить рыбу, играть с местными мальчишками за деревней. Правда, тетя всегда с пристрастием допрашивала, чем Петя занимался и с кем именно. И, как прежде, заставляла соблюдать «распорядок дня», каждое утро пичкала неизменной манной кашей и не позволяла оставлять на тарелке даже крошки. Однажды Петя подрался – первый раз в жизни. Получил фингал под глазом, но в итоге вышла ничья. Тетка отреагировала на это неожиданно.

– Ну наконец-то! – почти радостно воскликнула она. И немедленно приложила к синяку капустный лист.

В один из своих приездов дядя преподнес сюрприз. На спортивной базе при новгородской типографии ему дали в пользование моторную лодку – чтобы угодить нежданно заехавшему высокому партийному начальнику. Ее пригнали прямо к дому, и специально выделенный механик обучил Петю управлению, после чего катерок поступил в полное Петино распоряжение. Лодка была крохотная, движок слабенький, и ездить Пете позволялось только близ берега, но он ощущал себя почти капитаном такого же парохода, что регулярно проходили мимо. Обычно Петя катался вдвоем с соседским пацаном Юркой, тот был на год младше. Тетя наблюдала за мореплавателями с берега, порой подавая команду не слишком отдаляться.

Однажды она сама изъявила желание совершить водную прогулку, и вдвоем с Петей они двинулись к озеру Ильмень, до которого было от деревни километра два. Дело было к вечеру. Мотор еле тянул непомерную нагрузку – тетя Надя весила не меньше центнера. Достигнув большой воды, тетка уверенно скомандовала держать курс от берега. Неожиданно пошел дождь, и тут же заглох двигатель. Вдобавок на озере поднялось волнение, вода порой захлестывала через борт низко осаженого суденышка. Петя очень испугался, но тетка ничуть не потеряла присутствия духа. Она села на весла и за каких-то полчаса выгребла к берегу, уже в полной темноте. Лодку бросили, привязав к прибрежному пню недалеко от какого-то хутора. Тетка легко определила в кромешном мраке направление к дому и буквально поволокла за собой Петю. Он насквозь промок и был очень подавлен, тетя же, наоборот, всю дорогу шутила над тем, как они здорово попутешествовали. Через день приехал дядя и сообщил, что «катера» у них больше не будет.

Петя огорчился недолго: окунь в Волхове прекрасно ловился и с берега, да и других развлечений в деревне хватало. С соседским парнем они изготовили большого змея, который поднимался на огромную высоту. До темноты гоняли на поле в футбол. Дядя Вася соорудил возле дома мощные качели, от желающих раскачаться до свиста в ушах отбою не было. Недалеко от деревни была авиашкола, там тренировались парашютисты. Их поднимал маленький «кукурузник», а затем над полем появлялись купола парашютов. Петя частенько бегал с товарищами к аэродрому смотреть на самолет и как молодые стажеры готовятся к прыжкам. Кто-то из ребят придумал играть в парашютистов – прыгать в сено с крыши высокого сарая, держа над головой наволочки. Удивительно, но никто ничего себе не сломал.

По воскресеньям Петя ходил с тетей на рынок, а однажды они совершили путешествие на колесном пароходе «Калинин», который курсировал между Новгородом и Старой Руссой. У Пети остались незабываемые впечатления, хотя во время перехода через Ильмень поднялся

шторм и Петю сильно мутило. Конечно, побывали они с тетей и в самом Новгороде, от деревни до него было минут сорок пешком. Тетя интересно рассказывала об истории города, не хуже профессионального экскурсовода. В эти минуты Петя прощал ей все «закидоны» и даже гордился, что у него такая образованная и эрудированная родственница – не то что какая-нибудь тетка с рынка, которая живет тут всю жизнь, а может быть, не знает и половины того, что рассказывает тетя Надя. Но в какой-то момент раздавалось строгое: «Ты куда смотришь, когда я с тобой разговариваю? Кому я все это рассказываю, стенке?» – и Петя возвращался в реальность, где Надежда Антоновна оставалась бесчувственной «пятитонкой», как метко обозвал ее однажды деревенский мальчуган.

Глава 9

В сентябре дядя Вася привез с курорта Цхалтубо неожиданный подарок: двух живых особей саранчи в коробке от папирос «Казбек». Неизвестно, какую цель он преследовал – скорее всего, просто хотел чем-то развлечь любимого племянника. Насекомые, однако, не прижились – видимо, не подошел ленинградский климат.

Жизнь в городе протекала спокойно, Петина семья уже смирилась с непростой судьбой. Теперь Петя выполнял некоторые хозяйственные поручения: покупал продукты в магазинах по списку, иногда ходил с бабушкой на Троицкий рынок и помогал нести сумки. Учеба в третьем классе шла по-прежнему гладко.

Много времени он уделял рисованию – теперь по большей части это были акварели, а не карандашные рисунки. Частенько, кроме вымышленных сюжетов или зарисовок с натуры, иллюстрировал разные текущие события. Например, сделал серию, посвященную футбольным матчам на стадионе имени Ленина, куда они с дядей несколько раз ходили.

После присоединения к СССР прибалтийских государств в августе сорокового в ленинградских магазинах появились новые продукты и товары. Удивлял ассортимент невиданных раньше шоколадных конфет в красивых фантиках, которые сразу стали предметом коллекционирования. Большой популярностью пользовалась «Тянушка», позже переименованная в «Коровку», высококачественные молочные продукты, в том числе «Эстонское» масло. Стала доступной привлекательная одежда хорошего качества и необычных расцветок. Ну и, конечно, патефонные пластинки знаменитого Рижского завода.

В эту зиму Петя много читал, особенно когда на месяц слег дома с воспалением легких. Домашняя библиотека предлагала обширный выбор: Жюль Верн, Сервантес, Стивенсон, Марк Твен...

Пришла весна сорок первого, Пете исполнилось одиннадцать. Дядя и тетя строили планы на летний сезон. Поговаривали, что этим летом они, пожалуй, обоснуются на реке Оредеж. Петя с нетерпением ждал окончания учебного года, чтобы вновь отдаться рыбалке и другим летним радостям. О возможной войне никто всерьез даже не думал. Радио и газеты убеждали в абсолютной готовности к любому нападению: «Если завтра война, если завтра в поход, мы к любому походу готовы...» Бодрые песни, восхваляющие вождя и его непобедимых маршалов, громкие обещания «не отдать ни пяди своей земли» и заявления, что «Красная армия всех сильнее» вселяли уверенность в завтрашнем дне.

Глава 10

Начало июня выдалось на редкость холодным. По ночам доходило до заморозков, а днем воздух едва прогревался до плюс семи-восьми градусов. Дул резкий ветер с залива, Петя ходил в зимнем пальто. Но с середины месяца в погоде наступил перелом, пришло тепло, и семья наконец-то выехала на дачу. На этот раз место оказалось совсем уж глухое – на радость Надежде Антоновне. Половина избы была снята в деревеньке Борщово, что на самом юге Ленинградской области, в двух сотнях километров от города. Как только дядя Вася находил такие закоулки?

Три десятка изб примостились на живописном берегу Оредежа – там, где он разливается на полукилометровую ширину, соединяясь с Антоновым озером. Говорили, что Борщово ведет свою историю чуть ли не с пятнадцатого века, и в это легко было поверить, глядя на почерневшие от времени срубы, многие из которых еще сохранили элементы древнерусского декора.

Вторую половину дома тоже занимали дачники из Ленинграда – преподаватель Ольга Васильевна с семилетней дочерью Кариной. Как обычно на новом месте, дядя с тетей сразу принялись распаковывать чемоданы и баулы и обустроить жилище на свой лад. Тетка развешивала привезенные портьеры и расставляла всякие безделушки, дядя инспектировал дымоходы, колодец и запасы дров. Петя тем временем бегло обследовал ближайшее окружение, закатал с соседскими парнями и выяснил, что рыбалка в здешних местах просто фантастическая – хоть сачком лови.

Лес подступал вплотную к деревне с двух сторон, и тетка посматривала туда с явным удовлетворением – видимо, предвкушая рекордный сбор грибов и ягод, хотя для них было еще не время. С третьей стороны простиралось необъятное поле, а с четвертой блистал синий разлив Оредежа. В общем, место было вполне райское. Через день рано утром дядя Вася двинулся пешком в сторону станции Оредеж, откуда уехал в город на поезде. А Петя с теткой остались вкушать летние радости.

Петя старался как можно больше времени проводить у реки с удочкой: рыбалка и вправду оказалась здесь отменной. На большой поляне наткнулись на целую плантацию щавеля, тетка на радостях наварила огромную кастрюлю щей с петушиной.

Оказалось, что совсем рядом с домом на берегу Оредежа находятся знаменитые Борщовские пещеры. Соседский парнишка показал, где вход. Петя с Кариной с опаской проникли в лаз, тетя очень волновалась, но последовать за ними не могла физически. Пещеры были искусственного происхождения: когда-то давно здесь в штольнях добывали белый кварцевый песок. Петю потрясло увиденное: огромные сводчатые залы с белыми стенами напоминали сказочный подземный дворец. Но уходить вглубь Карина побоялась, потому что скудный свет, проникавший снаружи, с каждым шагом таял. Да и тетя Надя настойчиво призывала возвращаться. Петя дал себе обещание непременно исследовать пещеры более подробно в компании кого-то из местных.

Прошла примерно неделя. В то утро Петя необычно долго спал: накануне пришел с рыбалки на ночь глядя, клев был невиданный. А потом помогал ворчащей тете чистить щук и голавлей. Надежда Антоновна, против обыкновения, тоже еще всю похрапывала, несмотря на то, что уже приближался полдень. Их разбудил громкий стук в окно.

– Эй, дачники! Вы там? Слыхали, война началась!

Надежда Антоновна и Петя разом вскочили, тетка распахнула окно. Там стояла женщина, у которой они брали молоко.

– Какая война, Люся, ты что?.. – тетя Надя осеклась, увидев лицо соседки, залитое слезами.

– С германцами, вот какая! К почтарю ступайте, там по радиу все объявляют.

В забытом богом Борщове даже радиотарелок имелось всего две: одна висела на крыльце домика почтальона, олицетворявшего местное начальство, а вторая, не работающая – на вечно запертой клубной избе. Тетка наскоро привела себя в порядок, стукнула к Ольге Васильевне, но их с Кариной дома не оказалось. Даже не позавтракав, они с Петей поспешили на тот край, где жил почтальон. Петя был страшно перепуган, а Надежда Антоновна, хоть и выглядела обеспокоенной, говорила ровным голосом, без тени истерики.

У домика с синей табличкой «Почта» собралась, кажется, вся деревня. Кто-то громко ругался, кто-то плакал, другие подавленно молчали. Какая-то старуха сидела прямо на земле и что-то визгливо причитала, беспрерывно крестясь. Подошла Ольга Васильевна, ее всю трясло.

– Ну как же это так: сажают за разговоры, что может быть война, а вот она и пришла... Это же ужасно, Надежда Антоновна! Что же теперь будет?..

Она не выдержала, разрыдалась и упала тетке на грудь. Петя знал, что война – это очень плохо, но рассказы отца сплошь состояли из увлекательных описаний блестящих побед над белогвардейцами и басмачами, он даже часто хохотал, описывая эпизоды сражений. В кино наши всегда лихо брали верх над незадачливым противником, практически не понеся потерь, и справедливость торжествовала. События на Халхин-Голе преподносились как сокрушительный удар советских войск по неприятелю, а недавняя война с Финляндией, хоть о ней мало что сообщалось, лишь усилила образ непобедимой Красной армии, способной одной левой справиться с любым врагом.

– А что сообщили-то? – как будто очнулась Надежда Антоновна.

– Молотов выступал, сказал, сегодня в четыре утра Германия на нас напала...

Тетя Надя недоверчиво нахмурилась.

– У нас же с ними мирный договор...

Петя тоже хотел что-то спросить, но тут ожила черная «тарелка» репродуктора. Раздались знакомые позывные на мотив «От Москвы до самых до окраин...» – это означало, что трансляция ведется на весь Советский Союз. Толпа замолкла. А затем послышался голос диктора Юрия Левитана, повторившего прозвучавшее меньше часа назад обращение народного комиссара иностранных дел Молотова. Левитан же затем повторял этот текст в эфире Всесоюзного радио каждый час:

– Внимание, говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в четыре часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое, враг будет разбит. Победа будет за нами!

И в эти минуты жизнь многих миллионов людей навсегда разделилась на «до» и «после»...

Глава 11

Через несколько дней почтальон Палыч привез на велосипеде из районного сельсовета повестки о мобилизации. Наутро всех молодых мужиков и парней собрали у почты, подъехал военный грузовик. Немолодой офицер торопливо проверил документы, подбадривающие друг друга шутками новобранцы набились в кузов. Провожавшие женщины рыдали в голос. Колхозный плотник, весельчак Антоха, крикнул молодой жене:

– Да не реви, глупая! Через месяц германцев перебьем и вернемся! Делов-то... И соскучиться не успеешь!..

Война шла вовсю, но до опустевшего Борщова доходили лишь новости, которые сообщал репродуктор на почте. И новости эти были совсем не те, что ожидалось. Люди растерянно переглядывались, но вслух делиться мнениями опасались. А если разобраться, что неожиданного было в этой войне? Советских людей готовили к какой-нибудь войне с детства. В школе огромное внимание уделялось нормативам ГТО – «Готов к труду и обороне». По радио, с экранов кинотеатров только и говорилось, что кругом враги – внешние и внутренние, которые денно и ночью строят планы коварного нападения. Все кишит шпионами, которых надо разоблачать и истреблять, пока они не истребили нас. Популярнейшие песни: «Если завтра война», «Тучи над городом встали» – о надвигающейся битве с врагами, к которой надо быть готовым. Битва предполагалась по единственному возможному сценарию: врагов много, они коварно нападают, но мы побеждаем всех разом и моментально. В общем, народ был психологически готов к войне. Но не готов к тому сценарию, по которому все развивалось в реальности.

В последние годы перед войной из рупоров заученно твердили: «ни пяди своей земли не отдадим», «если вдруг война и случится, воевать будем только на чужой территории». Теперь же диктор трагическим голосом зачитывал сводки о тяжелых боях, отступлениях и потерях наших войск. Эти сообщения слушали в подавленном молчании – осознавать происходящее было невероятно тяжело, некоторые просто не верили, что Красная армия может отступить от каких-то немцев. И никто тогда еще не мог представить в полной мере, какая чудовищная трагедия ждет и без того измученный стахановским трудом, плохими бытовыми условиями и репрессиями многострадальный народ...

Палыч регулярно навещал станцию, но тамошние тоже имели о происходящем крайне скудную информацию. Можно было подумать, сведения о войне засекречены. Газеты по какой-то причине не выходили вовсе, а распространявшиеся шепотом слухи были так ужасны, что их и повторять боялись.

Вместе с тем жизнь в деревне продолжала катиться по инерции, словно ничего особенного и не произошло. Прошел слух, что в лесу появились первые грибы-кокосовики. Петя с теткой и Ольга Васильевна с дочкой тут же решили сходить на разведку. С ними увязалась и местная бабулька. Погода стояла сухая и жаркая, сделали большой круг по лесу, но никаких грибов не нашли. На обратном пути, уже недалеко от деревни, остановились на поляне, и тут из леса вышел к ним странный человек.

Высокий, крепкого сложения, лет тридцати с небольшим. Рыжеватый, коротко стриженный, лицо мясистое, а взгляд очень неприятный, какой-то сверлящий. Одет в темно-синий комбинезон с ремешками и пряжками – Петя видел похожие на парашютистах из авиашколы в Юрьеве. Кепка со странным маленьким козырьком, на ногах высокие ботинки на толстой рифленой подошве. Незнакомец подошел, снял кепку.

– Здравствуйтесь, товарищи! – Он улыбался, а глаза оставались колючими. – Я пастух, из Белого. Сбежавшую корову ищу, не встречалась ли вам случайно?

Что-то в его словах не понравилось Надежде Антоновне – то ли совсем не пастушеский лексикон, то ли какой-то фальшивый вежливо-вкрадчивый выговор.

– А как же ты сюда из Белого попал, мил человек? – поинтересовалась она. – Белое-то черт знает где, пешком и не дойти через лес...

Мужчина еще шире заулыбался, но при этом непроизвольно стиснул в руке кепку.

– Так говорю же: корова пропала. Давно уж ищу...

– А что ж в армию-то не призвали? – продолжала пытаться тетя Надя. Но ответ последовал без заминки:

– Сказали, не годен...

Тут внезапно вмешалась бабка:

– И где ж это пастухам такую одежду дают? – Она попыталась пощупать материал на рукаве комбинезона. – Прямо как у летчика!..

– Это нам в Белом колхоз выдал, – уверенным тоном сообщил незнакомец. И тут же перевел тему. – А Борщово тут недалеко?

– Недалече теперь, вот уж рядом оно, – зачастила бабка и махнула рукой, указывая направление. Следующий вопрос «пастуха» и вовсе поверг всех в удивление.

– А воду из реки здесь можно пить?

Тетя Надя с Ольгой Васильевной переглянулись, а бабулька простодушно закивала:

– Да отчего ж не пить, хороша водица в Оредеже нашем. Но еще лучше – в колодцах, а колодец-то, почитай, на каждом дворе есть...

Ольга Васильевна пихнула ее локтем, и словоохотливая соседка умолкла. Пришелец задал последний вопрос, поставивший точку в сомнениях:

– А мужиков-то много в Борщове?

– Полным-полно мужиков! – почти выкрикнула Ольга Васильевна.

– И все охотники! – с вызовом дополнила Надежда Антоновна.

Петя растерянно смотрел на тетку: ему так же, как и ей, было хорошо известно, что в деревне из мужиков остались лишь хромой Семен, слепой дядя Егор, почтальон Палыч да старик из крайней избы. «Пастух» смерил женщин нехорошим взглядом, криво улыбнулся и, не прощаясь, удалился в лес почти бегом.

– Кто ж это таков был, Надюша? – подала голос оторопевшая бабка.

– Шпион германский, вот кто! А ты, Степановна, ему тут все карты открыла!

– А я сразу понял, что это парашютист! – обрадованно вскричал Петя. – У него костюм и ботинки как у парашютистов!

Тетка потрепала его по голове.

– А знаешь ли ты, догадливый мальчик, что этот парашютист сейчас мог всех нас пере-стрелять, как воробьев?

Петя обернулся, Степановна открыла рот и быстро перекрестилась.

– Ну ладно, пронесло. Надо в сельсовет передать. Скажем Палычу, он там разберется.

Вечером Петя услышал отдаленный гул. Небо было безоблачным, но казалось, что откуда-то надвигается пока невидимая сильная гроза. Прокатился глухой раскат, и чуть дрогнули оконные стекла. Петя вышел на крыльцо. Раскаты повторялись, сопровождаясь зловыми багровыми всполохами на юге. Война была уже совсем рядом.

Глава 12

События на фронте развивались молниеносно. За две недели войны немцы захватили Прибалтику, линия обороны из мощных инженерных сооружений – дотов, на которые возлагалось столько надежд, практически не оказала сопротивления. Следом была оккупирована значительная часть Ленинградской области, причем Оредежский район оказался отрезанным с севера. День и ночь откуда-то издалека, из-за реки слышалась канонада. Радио, единственный источник информации, умолкло – видимо, где-то повредили линию. Деревня казалась вымершей, и местные, и дачники сидели по домам, тяготясь неведением и плохими предчувствиями.

Надежда Антоновна целыми днями молча раскладывала пасьянс у открытого окна. Но видно было, что делает она это чисто механически, а мысли находятся где-то очень далеко. Она совершенно оставила свои воспитательные строгости, и даже как-то раз без видимой причины обняла Петю, отчего ему стало не по себе.

О том, что происходит в Ленинграде, как там бабушка, Галя, дядя Коля и дядя Вася, можно было только догадываться. Палыч приносил скупые новости, уверял, что Ленинград пока в безопасности. Но отчего же дядя Вася тогда не заберет их из этого страшного места? С тех пор как борщовских мужиков увезли на фронт, в деревне не появлялся никто из представителей власти – про остальных будто забыли.

Где-то в первой половине июля, когда мучиться в неизвестности стало уже невыносимо, тетя Надя приняла решение выбираться в город самостоятельно – правда, неизвестно, каким путем: железная дорога не работала. Она уже начала сборы, когда к дому подъехала пыльная полуторка с тентом. Вышел человек в военной форме, с кобурой на боку.

– Надежда Антоновна? Срочно собирайтесь, и соседям вашим скажите. Мы медикаменты в Ленинград везем, приказано вас четверых захватить.

– Господи, наконец-то Васенька про нас вспомнил! – Тетя Надя была готова расцеловать молодого лейтенанта.

Наспех собрали чемоданы, взяли еды на дорогу: водитель предупредил, что придется сделать большой крюк, чтобы объехать линию фронта. День уже клонился к вечеру. Четверо ленинградцев разместились в кузове под брезентовым тентом, на больших серых ящиках с изображением красного креста и пломбами на железных защелках. Машина двинулась по корявому проселку в сторону, противоположную от Ленинграда – к Новгороду. Прямой путь был уже отрезан немцами.

Миновали село Батецкое, на выезде их остановил для проверки патруль. В кузов заглянул человек с ППШ на ремне, проинструктировал, как о чем-то будничном:

– Если попадете под обстрел, ложитесь на пол, а лучше выскакивайте и прячьтесь под машину или за какими-то естественными укрытиями: в канаве, за камнями, если будет какой-то мост, то под ним – это лучше всего. В крайнем случае – просто ложитесь на землю.

Тетя Надя выслушала все это совершенно бесстрастно, Пете было одновременно страшно и интересно. У него еще порой возникало ощущение, что все происходит как-то понарошку.

Солнце зашло, и темнота быстро сгущалась: сезон белых ночей почти закончился. С юго-западной стороны горел лес, оттуда слышались близкие взрывы снарядов и пулеметные очереди – фронт был совсем рядом. Не доезжая Новгорода, свернули на лесную дорогу, в объезд на Чудово. Неожиданно из леса выскочили несколько солдат в советской форме, без оружия. Они повисли на бортах машины. Ольга Васильевна громко вскрикнула.

– Не бойтесь, мы свои! – крикнул один. – Нам бы чуть-чуть с вами прокатиться...

Машина остановилась, выпрыгнул лейтенант.

– Кто такие? Из какой части? А может, вы дезертиры? – Он решительно расстегнул кобуру.

Солдатики в один миг отскочили от машины и рассыпались по кустам.

– Эх, некогда с вами разбираться... – злобно крикнул в темноту офицер, и полуторка двинулась дальше.

Постепенно звуки боя стихли, линия фронта осталась позади. Вскоре вышли на более-менее приличную дорогу, здесь уже было довольно много машин, большинство из них – такие же полуторки, переполненные беженцами. По обочине гнали скот. Все двигались в одном направлении.

Ехали медленно. Короткая летняя ночь прошла, на рассвете подъехали к Чудову. Утро выдалось безоблачным и тихим. Петя никогда в жизни не видел восход солнца. Высунувшись из-под тента, он восхищенно любовался игрой красок на утреннем небе. Спать совершенно не хотелось.

Идиллическую картину внезапно нарушил низкий нарастающий гул, и из-за ближайшего леса вынырнули один за другим два серо-зеленых самолета. Колонна остановилась, послышались крики.

– Всем в укрытие! – орал водитель полуторки, стоя на подножке. Ольга Васильевна с дочкой проворно выбрались из кузова и метнулись в ближайший кювет. Петя последовал было за ними, но оглянулся на тетю. Та даже не пошевелилась.

– Беги давай, чего задумался! – прикрикнула она. Петя махнул за борт, чуть не подвернув ногу. Первый самолет был уже совсем рядом, на фюзеляже отчетливо виднелся черно-белый крест. Петя замешкался: до канавы надо было еще пробежать десятков шагов.

– Лезь под машину, быстро! – крикнула сверху тетка.

С неба грянули пулеметные очереди. Несколько пуль цокнули по грунтовке прямо рядом с Петей, выбив фонтанчики пыли. Не помня себя от страха, он юркнул под машину, ударившись головой о какую-то железку, и скрючился в пыли. Неподалеку раздался взрыв, на поле справа полыхнуло и выбросило вверх столб черной земли. Осколок звонко ударил по кузову над Петинной головой. Еще один снаряд разорвался прямо на дороге, взрывом отбросило оставленный мотоцикл с коляской. Сопровождавшие обозы военные пытались отстреливаться по самолетам из винтовок, прижавшись к машинам. Вокруг с криками металась люди. Какая-то тетка кинулась догонять умчавшуюся в поле козу и вдруг упала ничком, будто споткнувшись, и больше не вставала.

Когда выстрелы и взрывы прекратились и рев самолетных моторов, казалось, затих, Петя выглянул из укрытия. Водитель их машины быстро перезаряжал винтовку.

– Куда выполз? – прикрикнул он на Петю. – Не видишь, на второй заход идут?

Петя бросил взгляд в небо: оба самолета разворачивались над полем. Он вновь забился под раму полуторки, но продолжал наблюдать за происходящим. Сердце колотилось, чуть не выпрыгивая – но не тем веселым стуком, как бывало при вытягивании крупной щуки, а гулко и холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.